исключительно сознаніемъ и слѣдовательно еще менѣе доступная для изученія экспериментальной науки.

Развѣ не ясно, что подобное рѣшеніе вопроса только парафраза царства Мессіи, царства, гдѣ наука играетъ роль Мессіи? Чтобы подобное объясненіе объяснило чтобы то ни было, надо имѣть такую же смѣлую вѣру въ догматы науки, какъ у Евреевъ въ пришествіе Мессіи.

Такъ оно и есть у исповѣдующихъ науку, съ тою только разницей, что убѣжденный Еврей, представляя себѣ Мессію, какъ посланнаго Богомъ, можетъ вѣрить, что у него будетъ власть устроить все къ лучшему, тогда какъ исповѣдующій науку не можетъ вѣрить, въ виду предмета его изученія, чтобы можно было посредствомъ внѣшняго изученія потребностей разрѣшить единственную и главную задачу жизни.

Слово жизнь, говоритъ графъ Толстой, коротко и очень ясно, каждый знаетъ, что оно значитъ. Но именно потому, что всякій понимаетъ его значеніе, мы всегда должны употреблять его въ смыслѣ общеупотребительномъ. Смыслъ этого слова ясенъ для всѣхъ не потому, чтобъ онъ былъ опредѣленъ съ точностью другими словами или идеями, а наоборотъ, потому что имъ выражается абсолютная идея, изъ которой вытекаютъ многія другія, чтобы не сказать всѣ.